

Л. А. Фадеев пишет, что «Южно-Африканская Республика — едва ли не единственное в мире государство, где узаконенным порядком с величайшим цинизмом и бесчеловечностью возрождаются основные черты гитлеризма» (стр. 109). Главное внимание в статье уделено анализу расистского законодательства ЮАР. Автор подчеркивает, что «в последние годы правящим кругам Соединенных Штатов, Великобритании и других империалистических государств становится все труднее поддерживать ЮАР в ООН. Влияние общественного мнения вынуждает их присоединяться к осуждению политики апартеида» (стр. 141).

Но это лишь тактический ход, на деле же по мере расширения международной борьбы против апартеида империалисты энергичнее прежнего поддерживают южно-африканский расизм. Это подтверждается в статье Е. В. Анановой. Опираясь главным образом на документы английского парламента, автор анализирует политику правительства Англии в отношении расистских режимов в Африке. В статье подчеркивается, что «среди иностранных монополий, которые держат в своих руках экономику Южной Африки, первое место принадлежит английским фирмам; это вынуждает английское правительство к сложным и зачастую весьма унижительным маневрам для того, чтобы оправдать свою поддержку расистов...» (стр. 146).

Автор показывает, как «перед лицом общего врага — национально-освободительного движения африканских народов — колонизаторы объединяют свои силы, забывают о своих расприх и переходят к коллективному колониализму» (стр. 146).

«Коллективный колониализм» нередко проявляется специфическим образом и в ООН, когда дело касается вопросов, связанных с расизмом и борьбой против него в современном мире.

В статье А. И. Борисова «Организация Объединенных Наций и расизм» отмечено, что в тех случаях, когда ООН «шла на поводу у империалистических государств, она становилась препятствием на пути подлинной борьбы с расизмом». Автор делает вывод о том, что «доколе ООН не направит всей остроты удара против империалистических покровителей расистов, надежд на положительное разрешение этого вопроса весьма мало. Пока еще ООН не готова к прогрессивным акциям подобной антиимпериалистической направленности» (стр. 253).

И. Р. Григулевич выступил в этом сборнике с интересной работой «Христианство и расизм». Автору удалось убедительно доказать активную причастность католической церкви к возникновению и развитию белого расизма, выявить существенные изменения в позиции Ватикана по вопросу о расизме, происшедшие в начале 1960-х годов в связи с революционными изменениями в мире после второй мировой войны, в частности под влиянием антиколониальных революций и дальнейшего развития национально-освободительных движений в Азии, Африке и Латинской Америке.

Рецензируемая книга в целом не только представляет собой большую научную ценность, но и играет важную политическую роль в условиях разворачивающейся во всем мире антирасистской борьбы. Эта книга вносит весомый вклад в интернационалистическое воспитание, в борьбу против всяческих расовых и националистических предрассудков.

А. П. Королева

НАРОДЫ СССР

Г. Саурова. Современный туркменский ковер и его традиции. Ашхабад, 1968, 164 стр.

В рецензируемом труде впервые наиболее полно изложена история туркменского ковроделия — одной из важнейших отраслей народного декоративно-прикладного искусства, выросшего на местных художественных традициях, корни которых уходят в глубь веков. Туркменское ковроделие, как это показано в работе, тесно связано с трудом, бытом и мировоззрением людей, с их художественным вкусом.

Рецензируемая книга состоит из введения, трех глав и заключения. Эта работа, написанная в искусствоведческом плане, без сомнения, привлечет внимание историков, этнографов и археологов, изучающих народное декоративно-прикладное искусство. Все возрастающий интерес ученых к этой тематике не случаен; он обусловлен необходимостью всестороннего исследования этнической истории и культуры народов нашей страны.

Автор поставил перед собой задачу рассказать об истории развития туркменского ковроделия, об истоках орнаментов и художественно-стилистическом своеобразии туркменских ковров, а также дать рекомендации для дальнейшего развития ковроделия Туркменистана. Потребность в таких изданиях велика, и выход книги Г. Сауровой весьма своевременен.

Первая глава написана сжато и насыщена большим фактическим материалом, характеризующим происхождение коврового орнамента, в частности историю развития геометрических, растительных и зооморфных мотивов, подробно рассказано об эволюции орнаментальных форм. Не вызывает сомнения тезис автора о том, что ковровый орнамент туркмен имел ярко выраженную реалистическую основу, самобытный характер, что многие его элементы были теснейшим образом связаны с мифологией и культурными представлениями и что некоторые орнаментальные формы подверглись в своем развитии сильной стилизации и обобщению.

В книге охарактеризованы художественный образ и технические качества туркменских ковров, их орнаментика, цветовое решение, ритм и пропорции; рассказано о наиболее характерных и широко распространенных композиционных принципах орнамента центрального поля и каймы, о сочетании цветов фона, об основных гелях на медальонах, заполняющих центральное поле, и об узорах каймы как больших подстилочных ковров, так и различных мелких ковровых изделий.

Особый интерес представляют воспроизведенные в книге элементы различных орнаментов старых туркменских ковров. Орнаментальные изделия наглядно демонстрируют единство многих элементов туркменской культуры, глубокую культурную самобытность туркмен, убедительно опровергают встречающееся в литературе мнение о том, что туркменское художественное творчество представляет собой лишь отблеск высокой культуры Ирана. Большой материал книги, отражающий не только прошлое, но и современное искусство туркменских ковровщиц, свидетельствует о том, что при создании ковров творчески используются весьма разнообразные узоры и композиции.

Можно согласиться с утверждением автора, что основным племенным подразделением туркмен в прошлом соответствовали и определенные группы ковров с вскрытой им локальной спецификой в их орнаментике, красочном оформлении. Автор правильно выявляет наиболее важные традиции туркменского ковроделия (стр. 46—55).

Приведенный в этой главе материал позволяет воссоздать историю развития декоративно-прикладного искусства многих локальных групп туркмен, проследить их этнокультурные связи и взаимовлияния, обусловившие возникновение и развитие ряда общих элементов в материальной и духовной национальной культуре. Кроме того, материал может быть использован как один из важных источников при исследовании проблемы этногенеза туркменского народа.

Есть в первой главе и ряд дискуссионных положений. Например, спорен вопрос о принадлежности отдельных узоров коврового орнамента определенным племенным подразделениям туркмен. По нашему мнению, аналогичный орнамент встречается в коврах и других племенных групп. Отметим и существенные упущения. Так, второй и третий разделы рассматриваемой нами главы не имеют ссылок на работы близкой тематики (в частности, на заслуживающую внимания статью А. Н. Пиркулиевой)¹, что значительно обедняет научную аргументацию многих исследуемых в книге вопросов.

Естественным результатом недостаточного использования автором историко-этнографических источников явилась слабая обоснованность выводов об окончательном формировании племенных признаков (что отобразилось в геле-медальоне ковров) в период завершения процесса ассимиляции местного населения Туркменистана тюркоязычными племенами — огузами (стр. 24). Недостаточно аргументировано положение о том, что первые племенные образования, сложившиеся еще в XIII в., просуществовали вплоть до нашего времени (стр. 24—25). Слабое знакомство автора с обширным материалом по этнической истории туркмен, их передвижению и расселению, родо-племенной организации обусловило недостаточную аргументацию выводов автора о времени образования основных туркменских племен и о сохранении у них чисто кочевническо-скотоводческого уклада хозяйства, которое якобы стимулировало появление и развитие у них ковроделия (стр. 8).

Кочевническо-скотоводческий уклад, по мнению автора, сохранился у туркмен вплоть до победы Великого Октября (стр. 8).

По данным исследований советских историков и этнографов, туркменские племена и племена других тюркских народов (казахов, каракалпаков, киргизов, части узбеков) не были постоянными и неизменными как по составу, так и по численности. Одни из них укрупнялись, другие дробились и теряли свою обособленность, причем их части вливались в более крупные племена или образовывали новые племенные подразделения. Особенно интенсивно протекал этот процесс в период расселения преобладающего большинства туркменских племен в сельскохозяйственных оазисах, т. е. в конце XVI — начале XVIII в. По нашему мнению, нельзя согласиться с утверждением автора о том, что у туркмен был кочевническо-скотоводческий уклад жизни. В действительности, у туркменских племен, живших в бассейне Средней Амударьи и в Мургабском и Копетдагском оазисах, земледелие было исконным и сочеталось местами с отгонным животноводством. В других районах начиная с середины XVIII в. туркмены вели в основном комплексное сельскохозяйственно-скотоводческое хозяйство. Только в Прибалханье и в центральных Каракумах встречались кочующие скотоводы, но многие из них имели земли

¹ А. Н. Пиркулиева, Ковровое ткачество туркмен долины Средней Амударьи, «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966, стр. 146—170.

в оазисах. Ковроделие в указанный период было широко развито не только среди кочевников-скотоводов, но и среди таких оседлых земледельцев, как эрсаринцы, каркинцы, арабачинцы, сарыки, иомуты и другие этнические группы туркмен.

Во второй главе рецензируемой работы автор правильно и своевременно обращает внимание читателя на неудачный опыт массового изготовления таких ковровых изделий, как чехлы-футляры для мелких вещей (очков, ключей), газетницы, наседельники, чехлы для стульев, драпировки на двери и т. д. (стр. 92—94). Он справедливо говорит об излишней плотности вязки некоторых изделий и нецелесообразности создания ковров с двухсторонним орнаментом (стр. 99). Автор подробно охарактеризовал поиски новых художественных средств в современном ковроделии Туркменистана. Однако нельзя согласиться со слабо аргументированным положением автора о господстве среди художников «ложного консервативного понимания национальных традиций искусства» (стр. 88), а также с утверждением, что художниками-ковроделами недостаточно четко понимается специфика орнаментального искусства (стр. 105, 128).

Вызывает сожаление и то, что автор сурово, а порой и недостаточно обоснованно критикуя поиски художников-ковроделов Туркменистана, сам не делает в этом плане никаких конкретных предложений.

В последней главе, посвященной характеристике качественно новой области коврового искусства — ковров-портретов и коврового сюжетного панно, автор последовательно, на конкретных примерах осветил историю возникновения и развития этого нового вида художественного творчества; обратил особое внимание на необходимость создания современной материально-технической базы ковроделия, подготовки высококвалифицированных кадров. Автор говорит о необходимости создания специального учреждения с художественным советом при нем для экспериментальных работ в ковроделии. Критикуя недостатки в экспериментальной работе над коврами-портретами и сюжетными панно, Г. Саурова порой неправомерно перечеркивает творческие заслуги большого коллектива художников и ковровщиц, в частности известных и заслуженных в Туркменистане энтузиастов-художников (Е. Крылова, А. Смекалина, А. Жукова, А. Беглярова, Р. Байрамова и др.). На наш взгляд, без достаточных оснований критикуется цветовая гамма ковра «Дружба народов», не обосновано и обвинение художников в том, что они недостаточно правильно понимают декоративное искусство (стр. 128, 139, 148). Вряд ли верно и то, что художники, изготавливавшие эскизы ковров, незаконно приписывали себе авторство (стр. 128).

Г. Саурова считает, что в новой области коврового искусства — ковра-портрета и сюжетного тематического ковра — сделано пока мало (стр. 29). Между тем упомянутые в рецензируемом труде материалы о коврах-портретах и сюжетных панно опровергают это утверждение. Вызывает недоумение и то, что Г. Саурова в своем исследовании не дает конкретных рекомендаций и предложений о методике производства ковров-портретов и сюжетного панно. Оставляя без рассмотрения спорные предложения автора о снижении плотности вязки ковра и соответствующем увеличении высоты ворса (стр. 152), а также многие другие дискуссионные положения, отметим явно неудачные формулировки, например о понятии творческого плагиата или о том, что художники ковроделия подходили «к творчеству, как к ремеслу, и поэтому к их произведениям почти невозможно применить требования уникальности, свойственной подлинному произведению искусства» (стр. 127). Обращают на себя внимание и небрежности автора в цитировании отрывков из работ А. А. Рослякова (стр. 25), С. Темерина (стр. 130), из «Истории Туркменской ССР» (стр. 25) и из материалов XXII съезда КПСС (стр. 113). Нельзя не пожалеть, что многие иллюстрации, приведенные в книге, свидетельствующие о высоком мастерстве туркменских ковровщиц, об изумительном чувстве орнаментальной ритмики и о чистоте стиля в современном ковроделии Туркменистана, отпечатаны крайне неудовлетворительно.

Следует указать и на то, что орнаментальные мотивы, встречающиеся в ковровых изделиях отдельных локальных групп туркмен, исследованы автором не в равной мере. Так, ничего не сказано о коврах и ковровых изделиях, изготавливавшихся огурджами, гоклен, арабачи, каркын, ата и некоторыми другими этническими группами.

Несмотря на отмеченные недостатки, книга Г. Сауровой представляет несомненную научную ценность и вызовет большой интерес у широкого круга специалистов, в том числе и у этнографов, историков и археологов.

Наличие в книге ряда дискуссионных положений несомненно являются достоинством, а не недостатком рецензируемого труда. В целом книга заслуживает высокой оценки.

В заключение хочется пожелать, чтобы Союз художников Туркменской ССР обсудил дискуссионные вопросы, поднятые в труде Г. Сауровой, а сама Г. Саурова продолжила свои изыскания по этой важной теме, имеющей большое научное и практическое значение.

Я. Р. Винников